

Н. Н. Тимерханова, А. А. Кашин, А. Ф. Кудрявцев

ОЙКОНИМЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕСТОРАЗВИТИЯ УДМУРТСКОГО ЭТНОСА

Территория Удмуртской Республики является основным ареалом расселения удмуртов. Данный регион с точки зрения географии находится в широкой области контакта природных зон, и может быть рассмотрен как месторазвитие удмуртского этноса. Кроме этого, территория Удмуртии, несмотря на небольшие размеры и равнинный рельеф, гетерогенна в ландшафтном плане, что определяет и топонимическое разнообразие региона. Хозяйство, культура и топонимика, в частности, ойконимия, сильно взаимосвязаны. С учетом географической среды расселения народа в работе предложен лингвистический анализ языковых средств, связанных с топонимикой и географической терминологией.

Ключевые слова: взаимодействие этноса и ландшафта, месторазвитие, языковые средства, ойконим, географические термины, обозначающие ойконимы, топоформант.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-1-45-54

Статья посвящена анализу географической среды, которая является ареалом расселения удмуртского этноса, и лингвистическому анализу языковых элементов, связанных с топонимикой и географической терминологией, обозначающей типы населенных пунктов. Актуальность и новизна данного работы заключается в том, что ойконимы рассматриваются не только как объект лингвистики, а в большей степени с позиции гуманитарной географии, с точки зрения взаимодействия языковой культуры и географического пространства. Целью исследования является анализ функционирования терминов *гурт*, *черкогурт*, *кар*, *каргурт* в удмуртском языке и выявление их связи с ландшафтными особенностями региона.

Основное внимание в работе будет уделено взаимодействию этноса и ландшафта с точки зрения месторазвития. Эта интересная и плодотворная концепция, возникшая в недрах русской эмиграции в Европе в 20-е гг. XX столетия и ставшая географической составляющей евразийского учения, отражена в трудах русского географа, геополитика, одного из главных деятелей евразийства П. Н. Савицкого (1895–1968), введшего в научный оборот понятие *месторазвитие*.

Ученый выстраивает территориальную иерархию этого понятия, говоря, что каждая, хотя бы небольшая, человеческая среда находится, строго говоря, в своей и неповторимой географической обстановке. Каждый двор, каждая деревня есть месторазвитие. Подобные меньшие месторазвития объединяются и сливаются в месторазвития большие. Возникает ряд месторазвитий... С введением в обществоведение данного понятия включен тем самым в истинном смысле слова географический элемент [МР 1995, 230].

Интересные мысли, связанные с месторазвитием, высказывает Л. Н. Гумилев в своем труде «Этносфера: История людей и история природы» [Гумилев 1993], обозначив его как «вмещающий и кормящий ландшафт». Ученый отмечает, что взаимодействие народности с ландшафтом наблюдается всюду, но с разной степенью отчетливости. В мягком климате Европы или сплошном массиве сибирской тайги климатические колебания менее заметны, нежели на стыке леса и степи, гумидной и аридной зон... Л. Н. Гумилев делает вывод, что принятое районирование этносферы имеет физический смысл и тесно связано с явлениями атмосферы и биосферы. Принципиальное различие человеческого сознания и природных явлений учтено, и рассматривается только та сторона этнического бытия, которая коррелирует с ландшафтом. Предлагаемое объяснение механики процесса влияния ландшафта на этнос не имеет ничего общего с географическим детерминизмом, да, пожалуй, и с интерпретацией исторического процесса. Оно лежит в плоскости не истории, а исторической географии, то есть не гуманитарной, а естественной науки [Гумилев 1993, 131–142].

Конкретизируя понятие месторазвитие, Л. Н. Гумилев отмечает, что под это определение подходит не всякая территория. Лишь места сочетания двух или более ландшафтов могут быть подлинными месторазвитиями [Гумилев 2004, 190–192]. А перечисляя возможные сочетания ландшафтов, подходящих под понятие «месторазвитие», он упоминает сочетание лесного и лугового. Несмотря на то, что

как пример последнего он приводит поляны в Волго-Окском междуречье, исходя из основных закономерностей зональной дифференциации географической оболочки, в широком смысле это можно транслировать на всю границу таежной и лесостепной зон. В условиях резко континентального климата Сибири тайга граничит непосредственно со степью без выраженной переходной зоны, а в европейской части России с умеренно прохладным и влажным климатом границы между природными зонами очень широкие; характерно формирование обширных переходных полос, по размерам сопоставимых с самими разграничиваемыми комплексами. В этом контексте зона смешанных и широколиственных лесов и лесостепь являются чрезвычайно плавным и широким переходом от таежной к степной зоне. В результате деятельности человека некоторые элементы, свойственные более южным зонам, проникают далеко на север, вследствие чего, например, на территории Удмуртии (особенно в ее южной части) можно встретить типично степные ландшафты: обширные безлесные пространства с распространением степных видов во флоре (ковыль перистый, вишня степная) и фауне (сурок-байбак).

Таким образом, территория Удмуртии находится в широкой области контакта природных зон, что, безусловно, накладывает отпечаток не только на совокупность природных характеристик, но и на пространственное распределение ресурсов, используемых в хозяйственной деятельности человека. Повышенное разнообразие природно-ресурсной базы и, как следствие, видов хозяйственной деятельности, а шире – элементов материальной культуры, непременно должны были отразиться в языке титульного этноса республики.

Удмуртия расположена в пределах Восточно-Европейской равнины, но, несмотря на это, рельеф Удмуртии разнообразен, для него характерно чередование возвышенностей и низменностей (что отображается в удмуртском языке богатой синонимией обозначения таких форм и элементов: *выр*, *вырал*, *вырийыл*, *лэгвыр*, *лудвыр*, *мешер*, *мувыр*, *мукабан*, *чагыл*, *четкер* ‘возвышенность’, *улыг*, *нёж*, *нёжал*, *лапег инты*, *лапегазь*, *нязь* ‘низменность’). Дополнительную неоднородность придает то, что к востоку усиливается куэстовый облик рельефа, связанный с тем, что для пластов горных пород характерно не горизонтальное, а наклонное залегание. Так формируется асимметрия склонов по всей территории Удмуртии: склон, направленный вдоль простираения пластов – длинный и пологий, а противоположный – короткий и крутой (это отражается в удмуртском языке в наименованиях склонов: *нялмыт / лаймыт бам* ‘пологий склон’; *мечбам* ‘обрыв, уступ’, букв. ‘крутой склон’).

В аспекте поверхностных отложений Удмуртия также неоднородна. Важно в этом контексте то, что на них формируются почвы, и многие свойства почв (как основы сельского хозяйства) зависят от характера отложений. Одна из важнейших особенностей в этом плане – распространение эоловых песчаных покровов. Это массивы песков, имеющих форму клиньев, протягивающихся с юго-запада на северо-восток. Появились они в эпохи оледенений, когда сильные ветры переносили огромные массы песка, не закрепленные растительностью, из долин рек и откладывали их на обширных пространствах (тысячи квадратных километров). Впоследствии, во время расселения человека по территории и начала хозяйственного освоения, эти территории не вовлекались в аграрный оборот, т.к. на песках образовались наименее плодородные почвы. Следовательно, в пределах таких массивов хорошо сохранились леса. На эоловых массивах сформировались исключительно своеобразные ландшафты, резко отличающиеся от тех, которые характерны для пространств, не покрытых песками. В этом отношении очень интересны границы разных ландшафтов. Там, где песчаный массив соприкасается со свободной от песков возвышенностью, формируется повышенное ресурсное разнообразие. Эти места издавна были притягательны для населения, поскольку проживание на таких рубежах означает, что непосредственно в окрестностях поселения есть и пригодные для земледелия почвы, и, в то же время, лесные массивы, являющиеся источником целого ряда ресурсов: древесины, ягод, грибов, промысловых животных и т.д. Соседство рек, речных пойм, стариц, лугов, полей, крутых берегов реки, склонов, холмов, лесов отражается в микропонимии, к примеру: *Вало* – р. Вала, *луоныр* – мыс на р. Вале (*луо* ‘песок’, *ныр* ‘мыс’), *вадор* – пойма р. Валы (*ва* ‘река’, *дор* ‘место рядом с чем-л.’), она же *вужёр* – старое русло р. Валы (*вуж* ‘старый’, *ёр* ‘русло’), *вужёрты* – старица в русле р. Валы (*вуж* ‘старый’, *ёр* ‘русло’, *ты* ‘озеро’), *валовоэ* – луг рядом с р. Валой (*вало* – р. Вала, *воэ* ‘луг’), *валогурез* – холм на правом берегу р. Валы (*вало* – р. Вала, *гурез* ‘гора, холм’), *валобам* – склон на правом крутом берегу р. Валы (*вало* – р. Вала, *бам* ‘склон, угорье’), иначе *луобам* (*луо* ‘песок’, *бам* ‘склон, угорье’) – название *луобам* отображает наличие песчаных дюн на правом берегу реки, *вадор тэль* – лес, находящийся рядом с р. Валой (*ва* ‘река’, *дор* ‘место рядом с чем-л.’, *тэль* ‘лес’), иначе *валотэль* (*вало* – р. Вала, *тэль* ‘лес’), *яг* – часть леса *валотэль*, сосняк, расположенный на песчаных дюнах на правом крутом берегу р. Валы (*яг* ‘сосновый бор’), *валовуко* – место на р. Вале, где была мельница (*вало* – р. Вала, *вуко* ‘мельница’).

Резюмируя, можно однозначно трактовать, что территория Удмуртии (а в историческом контексте лучше говорить об ареале расселения удмуртов, который с административными границами региона далеко не всегда и не везде совпадает), несмотря на свои небольшие размеры и равнинный рельеф, является гетерогенной в ландшафтном, и, следовательно, в ресурсном плане. Сочетание лесных и безлесных пространств, речных долин и водоразделов, возвышенностей и низменностей создает высокую степень разнообразия. Поэтому и в хозяйстве, и в культуре, и в топонимике переплетено очень многое, в конечном итоге отражающее изначальный высокий уровень ландшафтной неоднородности.

Итак, каждый этнос имеет свое месторазвитие – синтез природного культурного, где всё связано со всем и всё обуславливает, хотя бы косвенно, друг друга. Естественной, природной основой месторазвития удмуртского этноса явилась вятско-камская тайга – одна из лесных таёжных географических провинций тайги Русской равнины. Изначально это – тёмнохвойный лес, заболоченность, многоводные реки, образующие густую сеть, относительно небольшие водораздельные пространства с подзолистыми и дерново-подзолистыми почвами, довольно скудная фауна, низкий трофический потенциал территории. Именно такой первоначальный ландшафт стали осваивать и усваивать удмурты, в течение столетий превратившие его в культурный [Кудрявцев 2012, 116–119]. В процессе этой тяжелой работы человек преобразовывал природу и природа «преображала» человека. Именно этот лесной и луговой ландшафт, холмистый и пойменный, «летний и зимний» (точнее, четырех сезонов года), являясь местом взаимодействия и развития (то есть, качественного изменения), формировал и материальную, и духовную культуру. При взаимодействии людей в осваиваемом ими ландшафте формировался в первую очередь язык народа. Освоить ландшафт означает также дать названия его элементам: речкам, родникам, болотам, полям, холмам, лесам, лугам, населенным пунктам и т. д. А топонимия – это «текст ландшафта», который создали те, кто осваивал эту территорию, преобразуя ее в месторазвитие.

В контексте взаимодействия этноса и ландшафта исключительную важность приобретает концепт культурного ландшафта. В самом общем виде, культурный ландшафт – это природно-социокультурный территориальный комплекс [Калуцков 2008, 312]. При всем разнообразии подходов и трактовок (а учение о культурном ландшафте находится в стадии становления) исследователи сходятся на участии в его формировании природных и антропогенных факторов. Именно человек, расселяясь по территории, делает ландшафт освоенным, культурным. В зависимости от его специфики формируются и топонимические особенности, составляющие значительный пласт этнической культуры и истории. Исследование культурных ландшафтов, их динамики, взаимосвязей и внутренней логики развития получило наибольшее развитие в англо-американской, немецкой, французской и российской географии.

В американской ландшафтной географии ярко выражена антропоцентричность культурного ландшафта. Природа выступает, как правило, всего лишь фоном [Sauer 1925]. Основанная К. Зауэром культурно-ландшафтная школа оказала огромное влияние на формирование американской исследовательской традиции, проявляющейся, в частности, в преобладании социологичности над этничностью. В данном контексте обратим внимание на то, что заселение центральной части Северной Америки европейскими колонистами в XVII–XIX вв. сопровождалось «зачисткой» территории от коренного населения и формированием современных культурных ландшафтов фактически с «чистого листа». В то же время, освоение русскими огромных евразийских пространств происходило в условиях сохранения этнической мозаики и формирования топонимической картины на основе культуры коренных народов.

Британская география во многом более «этнична». Для нее традиционными являются пейзажное направление [Cosgrove 1993, Loventhal 1972 и др.] и ландшафтно-искусствоведческие исследования. Последние, изучая ландшафтную живопись, подходят к выражению через картины национально-го самосознания и этнического характера [Daniels 1993]. Наиболее характерные элементы ландшафта – как природные, так и культурные – представляют страну в миниатюре. Трактую шире, данные выводы можно распространить и на языковую, литературную составляющую. Стихи о родном крае, художественные описания местности в произведениях писателей являются предметом национального достояния. Это относится и к топонимическим особенностям региона: в языке отражается специфика места, его территориальная идентичность, что проявляется и через систему географических названий. Обобщая, можно сказать, что месторазвитие и этнос составляют культурный ландшафт.

В связи с месторазвитием в этой статье рассмотрим удмуртские топонимы – ойконимы, которые являются отражением ландшафта современной территории проживания этноса (названия поселений будут рассмотрены независимо от того, официальное оно или народное, нас интересуют языковые фак-

ты (ойконимы), связанные с географическими объектами; можно даже сказать, что народный вариант наименования нас интересует больше, чем русифицированный).

Итак, исследование начнем с термина «деревня». Этнографами выявлено, что удмурты в давние времена расселялись небольшими воршудно-родовыми группами – родовыми кланами, образуя деревни. Основным компонентом, включающим административный (географический) статус поселений, является слово *гурт* ‘деревня’. Данный апеллятив ученые-ономасты относят к собственно удмуртским [Атаманов 2015, 25] либо к общепермским лексемам [Сундукова 2011, 59], что, на наш взгляд, более точно. Значение данного слова в пермских языках рассматривается в кратком этимологическом словаре коми языка [КЭСК 1999]: удмуртский *гурт* ‘деревня’ (а также ‘дом’ – *примечание Н. Н. Тимерхановой*), коми-пермяцкий *горт* ‘дом’, коми-зырянский и коми-язьвинский *горт* ‘дом; свой дом; своё жильё’. В пермских языках происходит расширение значения слова, семантический переход лексемы происходит по следующей схеме: «дом» → «место жительства» → «деревня» [Сундукова 2011, 59]. Рассматриваемый компонент в ойконимах является очень частотным, например: *Кусогурт* (Бисул-Кучес д., Шарк.), *Штаньгурт* (Ключевка д., Игр.), *Шайтангурт* (Сапарово д., Зав.), *Кыргурт* (Новая Жикья д., Селт.), *Такагурт* (д., Деб.) и др. Следующее объяснение слова *гурт*, соответствующей вышеприведенной схеме, можно найти в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: *Гурт* ‘деревня’ – так называют вотяки свои деревни. Слово *гурт* на вотском языке первоначально имело значение дома, жилища. Вотяки сначала жили отдельными домами, гуртами; один двор отделялся от другого лугами, лесом или засеянным полем. Вновь выделяющаяся семья устраивала себе жилище за чертою полей первых поселенцев. Впоследствии, когда семьи разрастались, в пределах одного двора строились новые жилища рядом со старыми, причем пахотная земля постепенно обращалась в усадьбную. Так возникла большая часть вотских деревень [ЭС 1890–1907].

Для обозначения деревни в ойконимии Удмуртии употребляется апеллятив *гурт* ‘деревня’, но по нашим наблюдениям, названия удмуртских деревень, имеющие связь с ландшафтными особенностями местности, чаще используются без форманта *гурт*: *Кольёмувыр* – *кольё* ‘галечный, с галькой’, *мувыр* ‘возвышенность’ (Ахмади д., Балез.), *Бадзымишур* – *бадзым* ‘большой’, *шур* ‘река’ (Бадзимшур д., Сюмс., Бадзимшур д., Глаз., Битчимшур д., Балез.), *Четкер* – *четкер* ‘гора, холм’ (Верхний Четкер д., Деб., Четкерь д., Вав.), *Тыжмыйыл* – *Тыжмы* – название реки, *йыл* ‘исток реки’ (Верхняя Тыжма д., Кизн.), *Котнырпочинка* – *котныр* ‘полуостров’, *починка* ‘починок’ (Новотроицкий д., Алн.) и др., но слово *гурт* добавляется при необходимости подчеркнуть тип поселения: *Бадзымишур гурт*, *Тыжмыйыл гурт*, *Четкер гурт*.

Говоря о современном употреблении слова *гурт*, можно утверждать, что данное слово четко воспринимается в значении ‘деревня’, а в значении ‘дом’ употребляется ограниченно. Так, например, в срединных говорах и южном наречии данное слово не используется в значении ‘дом, домашний очаг’ (*гуртэ бертыны* ‘домой идти / вернуться’), а в северных диалектах применяется именно с такой семантикой, при этом в значении ‘деревня’ замещается заимствованием из русского языка *деревня́* (*деревня́е кошкиз* ‘уехал в деревню’).

Поскольку при расселении удмурты в основном образовывали небольшие поселения *гурт* – деревни, а сёла как поселения не выделялись, следовательно, не было специального топоформанта для данного типа ойконимов, лишь после христианизации могли появиться подобные географические термины, когда начали дифференцироваться – по наличию либо отсутствию церкви – село и деревня, только тогда стала употребляться лексема *черкогурт* ‘деревня с церковью’. Данный термин (именно официальный географический термин) в удмуртском языке можно считать довольно молодым, потому что в речевой оборот оно стало активно включаться лишь в XX веке (хотя в народной речи встречалось гораздо раньше, было известно уже в XIX в.).

Рассматривая связь названий сел с географическими объектами, хотелось бы отметить то, что некоторые древние ойконимы отражают компоненты ландшафта и чаще всего включают наименование реки: названия сел *Лоза* (с., Игр.), *Чепца* (с., Кез.), *Лынга* (с., Як.-Б.), *Люк* (с., Зав.), *Нылга* (с., Ув.), *Пычас* (с., Можг.), *Пудем* (с., Яр.), *Сада* (с., Яр.), *Селычка* (с., Як.-Б.), *Сюмси* (с., Сюмс.), *Шаркан* (с., Шарк.), *Чур* (с., Як.-Б.) омонимичны названиям рек, рядом с которыми они расположены; ойконим *Люкшудья* (с., Зав.) включает гидроформант *люк* ‘река’; *Камское* (с., Вотк.) – название р. Кама, *Уть-Сюмси* (с., Селт.) – гидроним Сюмси, *Вавож* (с., Вав.) и *Ва-Тукля* (*Ува-Тукля*, с., Ув.) – название р. Ва (Ува); в названиях сел *Андрейшур* (с., Балез.), *Поришур* (с., Можг.), *Якшур-Бодья* (с., Як.-Б.) топоформантом является *шур* ‘река’ и др.

Если же говорить о слове *кар* ‘город’, можно отметить следующее. В качестве названия поселения оно используется с давних времен, чему свидетельством является тот же апеллятив в названиях городов *Сыктывкар*, *Кудымкар*, *Шупаишкар* (Чебоксары), то есть слово явно является не собственно удмуртским образованием. О его древних корнях говорят и названия удмуртских городищ *Иднакар* (Солдырь д., Глаз), *Эбгакар* (городище рядом с д. Нижняя Слудка, Глаз.), *Гурьякар* (Гордино д., Балез.), *Весьякар* (Весьякар д., Глаз.), *Дондыкар* (Дондыкар д., Глаз.), *Зуйкар* (Зуйкар д., Глаз.), *Чибинькар* (Комарово д., Яр.), *Сабанчикар* (городище рядом с д. Солдырь, Глаз.), *Шудьякар* (рядом с д. Аверины, Аверинский могильник в пойме р. Камы), в названиях которых атрибутивным компонентом является имя удмуртского батыра – богатыря – основателя поселения, к примеру, *Идна батыр*, *Эбга батыр* и т.д. Также апеллятив *кар* имеется в ойконимах *Узякар* (Балезино д., Балез.), *Учкакар* (Кушман д., Яр.), *Жутэмкар / Лэсьтэмкар* (городище рядом с д. Бурино, Балез.), *Сепычкар / Вуко Карйыл* (Кочишево д., Глаз.), *Утэмкар* (Нижняя Богатырка д., удм. Утэм, Глаз.), *Садэйкар* (городище Садей-Кар рядом с д. Заболотное, Глаз.), *Поркар* (д., Глаз., Ув., Яр., Можг.), *Карйыл / Чёртово городище* (Карйыл д., Балез.). В настоящее время данный географический термин используется в современных названиях городов *Ижкар* (г. Ижевск), *Воткакар* (г. Воткинск), *Глазкар* (г. Глазов), а также при необходимости добавляется к названиям городов *Можга(кар)*, *Сарапул(кар)*, *Камбарка(кар)* – в основном для указания на тип поселения.

Еще раз отметим, что слово *кар* в значении ‘городище, укрепленная крепость’ с давних времен используется в названиях *Иднакар*, *Дондыкар*, *Сепычкар*, *Зючкар* (Зючкар д., Игр.), *Поркар* и др. Из всех вышеназванных ойконимов с формантом *-кар* только *Сепычкар* (Кочишево д., Глаз.) имеет связь с географическим объектом – р. *Сепыч*. Но апеллятив *кар* в значении ‘городище’ в качестве атрибутивного компонента можно обнаружить в названиях деревень *Караишур* (д., Малоп., Можг., Як.-Б.): *караишур* ← *каро ишур*; *каро* ‘с поселением’ + *ишур* ‘река’ → ‘река с поселением; река, на которой расположено поселение’ → «поселение, которое расположено рядом с рекой»; *Каргурезь* (*кар* ‘поселение’ + *гурезь* ‘гора’ → ‘гора, на которой расположено поселение’ → «поселение, расположенное на горе») и рек *Караишур* (*каро ишур* ‘река с поселением; река, на которой расположено поселение’). Также формант *кар* имеется в названии р. *Карлудка* (*кар* ‘поселение’ + *луд* ‘поле’) – (Карлудское городище, г. Ижевск, на правом берегу р. Карлудки) и в наименовании городища *Каравалес*, иначе *Каришур* (Городище Поломское, по удм. должно звучать как *Каровалес*) [ОКНФЗ]. Топонимы на *-кар* подробно описываются в работах М. Г. Атаманова [1986, 26–31], Т. И. Тепляшиной [1970, 164–171], топонимы, имеющиеся на территориях проживания пермских народов и чувашей, – в исследованиях Б. А. Серебренникова [1971, 207–208], А. С. Кривошековой-Гантман [1976, 12–21], а также в работе М. Р. Федотова [1970, 130], который считает названия на *-кар* (*Шупаишкар*, *Шаишкар*, *Муркар*) на территории Чувашии финно-угорским наследием. По поводу происхождения слова *кар* имеются и другие точки зрения.

Из других типов поселений на территории Удмуртии имеется несколько поселков: Балезино, Иг-ра, Кез, Кизнер, Ува, Яр и др. Для обозначения данного типа населенного пункта в удмуртском языке долгое время не было апеллятива, так как сами поселки как административная единица возникли лишь в XX веке. Слова *каргурт* ‘посёлок’, а также *черкогурт* ‘село’ в качестве географических терминов, обозначающих поселение определенного типа, официально были введены в удмуртский литературный язык лишь в 2008 году [2-й бичет 2008]. Причем слово *черкогурт* в современной речи используется широко, а лексему *каргурт*, к сожалению, большая часть удмуртов не знает. Некоторую неоднозначность в восприятии термина вносит тот факт, что все существовавшие в советские годы посёлки городского типа в Удмуртии в начале 2010-х гг. были переведены в разряд сельских населённых пунктов, сохранив в официальных названиях слово «посёлок». Несмотря на то, что ряд таких посёлков превосходит по численности населения многие малые города (население посёлков Увы и Игры около 20 тысяч жителей), ни по уровню развития инфраструктуры, ни по образу жизни городами их назвать нельзя. В то же время, не являются они и сёлами – в первую очередь, с точки зрения хозяйственной специализации – поскольку у сёл она преимущественно аграрная. На самом же деле, такие поселения являются одновременно и городами (по специализации) и сёлами (по внешнему облику, а во многом по образу жизни населения), и, в то же время, не относятся ни к тем, ни к другим, формируя совершенно своеобразный тип – *каргурт*. В этом плане удмуртский термин, созданный лингвистами, очень точно отмечает их специфику – «городосёла», чего в русском языке нет. Ведь понятие «посёлок городского типа» характеризует поселение только с одной стороны – с несельской, хотя сельского в таких ПГТ немало.

Названия некоторых поселков связаны с географическими объектами, расположенными в данной местности: п. *Ува* от названия р. *Ва* (Ува), п. *Кез* от гидронима *Кез*, п. *Яр* (*яр* ‘обрыв, яр’).

Далее в связи с апеллятивами, входящими в ойконимы, также отметим названия деревень *Гу́чин* (Удмурт Сада, д., Яр.), *Уни-Гучин* (д., Юкам.), *Удугу́чин* (Удугучин д., Ув.), *Гу́чин-Бодья* (Гучин-Бодья, д., Кизн.) и др. Их наименования включают компонент *гу́чин / гучин* со значением 'селище (место, где раньше было селение)'. Данный формант сохранился в некоторых микропонимах, например, *гу́чин* (во многих районах), *гу́чинсик* (рядом с д. Б. Волково, Вав.) и др. М. Г. Атаманов в историко-этимологическом словаре топонимов описывает 30 наименований с компонентом *гу́чин* [Атаманов 2015, 256–258]. Связь топоформанта *гу́чин* 'селище' с географическими объектами можно проследить на таких микропонимах, как *гу́чингурезь* – холм в д. Табанево (д., Шарк.), на котором располагалось когда-то селение (*гурезь* 'гора, холм'), *гу́чиннюк* – лог в д. Вуко-Чудьзя (Шабердино д., Зав.), в котором располагалось селище (*нюк* 'лог'), *гу́чинсюрес* – дорога в д. Гу́чин (Удмурт-Сада, д., Яр.) (*сюрес* 'дорога'), *гу́чиншуур* – речки в бассейнах рек Мултанки и Чепцы (*шуур* 'река, речка'), *гу́чиноошмес* – родник и ложбина с пригорком в д. Гёявыр (Гыявыр д., Кез.) – (*ошмес* 'родник'). К сожалению, лишь старшее поколение и часть среднего поколения знакомы со значением рассматриваемого слова и знают места, где когда-то были расположены эти ранние места селений (речь не идет о деревнях, исчезнувших в XX веке, так как данные поселения в основном сохранили названия, например, селище *Урдо(гурт)*, селище *Кобла(гурт)*, селище *Быдзымиуур* (Вав.) и т.д.).

Также в Удмуртии имеются ойконимы с апеллятивами *тупал*, *починка*, *выселок*, о них будет сказано ниже.

В связи с природными географическими объектами необходимо отметить большое количество названий деревень с апеллятивом *шуур* 'река' (161 наименование). Это связано с тем, что традиционно удмуртские деревни располагались вдоль рек, поэтому в ойконимах часто встречается данный компонент: *Аксакиуур* (д., Малоп.), *Возениуур* (д., Ув.), *Ляльшуур* (д., Игр., Шарк; Сизяшуур д., Малоп.), *Чимошуур* (д., Игр.; Чемошуур д., Зав.), *Чабишуур* (д., Ув.), *Митрейшуур* (Дмитрошуур д., Сюмс.). В северной части Удмуртии непосредственная привязка деревень к рекам ослабевает: значительная часть поселений располагается на водоразделах. Причиной этого является то, что в более прохладной и влажной северной Удмуртии в низинах (речных долинах) часты поздние весенние и ранние осенние заморозки, что существенно ограничивает возможности для земледелия. При этом наличие реки с точки зрения водоснабжения лимитирующим фактором не являлось, так как многочисленные выходы подземных вод (родники) на севере Удмуртии приурочены именно к возвышенным (в том числе водораздельным) пространствам. Гораздо важнее транспортная роль рек: именно по рекам шло само заселение территории. И речь не только о судоходных реках (которых в регионе совсем немного). Дело в том, что в условиях высокой залесённости только реки, в первую очередь, покрытые зимним льдом, могли служить путями, коридорами для расселения. Сплошь залесённые водоразделы с точки зрения передвижения были практически «непроницаемыми».

Некоторые ойконимы, встречающиеся на территории Удмуртии, обозначают расположение деревни на берегу реки, не включая топоформант *шуур*, а указывая именно на прибрежное размещение, к примеру, *Ытыдуур* (Итадуур д., Игр.) – на берегу р. *Ыты* (Ита), *Ыбытьдуур* (Убытьдуур д., Красн.), *Вылысь Ыбытдуур* (Верхняя Убыть д., Глаз.), *Ыбытдуур* (Ниж. Убыть д., Глаз.) – на берегу р. *Ыбыт* (Убыть), *Вадор* (Рябово д., Ув.) – на берегу р. *Ва* (Ува), *Валадор*, в удмуртском произношении *Валодор* (удм. *Куреггурт* д., Вав.) – на берегу р. *Вало* (Вала), *Сюрыгдуур* (Кузьмино д., Сюмс.) – на берегу р. *Сюрыг* (Сюрек), *Кездур* (д., Кез.) – на берегу рч. *Кез*, *Пыктыдуур* (Нижняя Пыхта д., Деб.) – на берегу р. *Пыкты* (Пыхта). В данных ойконимах апеллятив *дуур / дор* имеет значение 'берег; край; около'.

В следствие расселения по другую сторону реки появились названия с удмуртским апеллятивом *тупал* 'зарека; заречная сторона' (*ту* – примерный перевод 'та, другая' – архаизм, но явно воспринимаемый удмуртами как антоним слова *та* 'эта'; *пал* 'сторона') или с заимствованным из русского языка и фонетически адаптированным к системе удмуртского языка апеллятивом *починка* 'починок': *Тупаллуд* (Тупалуд д., Яр.), *Тупал Пурга* (д., Малоп.), *Ойылтупал* (Малый Полом д., Кез.), *Бигерпочинка* (Нижняя Сада д., Яр.; Починки д., Юкам.), *Уканапочинка* (Удино д., Яр.), *Горпöчинка* (Верхняя Богатырка д., Глаз.), *Ёжгуртпочинка* (Ежевский поч., Юкам.), *Туктымпочинка* (Исаково д., Балез.), *Вортчапочинка* (Малый Казес д., Шарк.), *Шегьянпочинка* (Шегьянский поч., Шарк.) и др. В некоторых случаях на карте вблизи можно увидеть оба населенных пункта: и первый по образованию, и отпочковавшийся, с тем же атрибутивным компонентом, что и «предок»: *Быгы* (Старые Быги д., Шарк.) – *Быгыпочинка* (Нижние Быги д., Шарк.), *Юбера* (Юберинский перевоз д., Селт.) – *Юберапочинка* (Юберинский поч., Селт.), *Былай* (Булай д., Ув.) – *Былайпочинка* (Сухая Видзя д., Ув.), *Гайна* (Правые Гайны д., Сюмс.) – *Тупал Гайна* (Левые Гайны д., Сюмс.). В случае с названиями соседних деревень

Сьӧдзи (Черный Ключ д., Вотк.) – *Сьӧдзипочинка* (Филиппово поч., Вотк.) – *Сьӧдзивыселок* (Красный Север выс., Вотк.), можно сказать, что отделение происходило в два этапа. Есть и отдельный русский ойконим *Выселок* без атрибутивного компонента (удмуртское название – *Нутшур / Выселка / Сюмси-выселка д.*, Сюмс.). Близким по значению к понятиям *тупал* и *починка* является также слово *вьельгурт* ‘новая деревня’, которое встречается и как ойконим *Вьельгурт* (Вьельгурт д., Глаз., Игр.; Малая Игра д., Красн.; Новая Монья д., Селт.; Новые Какси д., Можг., Удмуртская Тукля д., Ув.); имеется и название с противоположным значением *вужгурт* ‘старая деревня’, ‘родовая деревня; центр родового гнезда’, которое также является ойконимом *Вужгурт* (Липовка д., Ув.; Нижняя Малая Салья д., Кияс.; Старая Игра д., Грах.; Старая Монья д., Селт.; Старая Тукля д., Ув.). В случае с топоформантом *починка* возникает вопрос о причинах замены одного способа выражения заречной стороны деревни *тупал* другим способом. Необходимо отметить, что при использовании русского слова фрагмент картины мира удмурта не изменился (также осталось значение ‘заречная сторона; новая деревня по другую сторону реки’), но взаимодействие языков поменяло способ его отображения в языке. В этой лексеме хотя и зафиксирована чужая (для удмурта) картина мира, семантика интегрированного в удмуртский язык «чужого» слова не изменилась – *починок* ‘новая деревня’.

При расселении населения по течению реки появились топонимы с элементами *улын / улй / улйнь* ‘нижний’ или *вылын / вылй / вылйнь / вылысь / йыл* ‘верхний’ либо *шор / шоринь* ‘средний’: *Улын Йыраш* (Нижние Юраши д., Грах.), *Улй Кӧльёвай* (Нижний Колева д., Глаз.), *Улй Пажма* (Ниж-Пажма д., Юкам.); *Вылынгурт* (д., Сюмс.), *Вылй Юри* (Верхние Юри д., Можг.), *Вылысь Ыбытгурт* (Верхняя Убыть д., Глаз.), *Вылысь Уди* (Верх-Уди д., Кез.); *Шоргурт* (Сыга II д., Кез.), *Шор Тыжмы* (Средняя Тыжма д., Кизн.), *Шоринь Юри* (Средние Юри д., Малоп.). Хотя и не часто, но все же на карте можно видеть оба взаимосвязанных поселения: *Улй Пажма* (Ниж-Пажма д., Юкам.) – *Вылй Пажма* (Верх-Пажма д., Юкам.); *Вылй Чумой* (Верхний Чумой д., Игр.) и *Чумой* (Чумой с., Игр.) – с нулевым атрибутом, явно в значении *улй*, судя по расположению в нижнем течении р. Чумой; встречаются и все три деревни, входящие в тройственные пространственные отношения: *Улйнь Юри* (Нижние Юри д., Малоп.) – *Шоринь Юри* (Средние Юри д., Малоп.) – *Вылйнь Юри* (Верхние Юри д., Можг.); *Улй Кечол* (Нижнее Кечево д., Малоп.) – *Шор Кечол* (Среднее Кечево д., Малоп.) – *Кечейыл* (Верхнее Кечево д., Малоп.).

В случае основания сельских населенных пунктов у истоков рек возникли такие названия, как *Сюмсийыл* (Сюмси д., Сюмс.), *Кузонйыл* (Старая Казанка д., Кизн.), *Тыжмыйыл* (Верхняя Тыжма д., Кизн.), *Йырашйыл* (Сарайкино д., Грах.), *Умегйыл* (Малый Кармыж д., Можг.), *Чожйыл* (Чежебаш д., Можг.), *Сюгийыл* (Сюгаил д., Можг.), где *йыл* ‘исток, верховье’. В эту же группу, на наш взгляд, можно отнести ойконимы типа *Ошмес* (Ключевая д., Ув.; Старый Ошмес д., Можг.), *Мырк Ошмес* (Гушино д., Можг.), *Сьӧд Ошмес* (Рысаи д., Селт.), так как *ошмес* – это ‘родник, исток’. Хотя, конечно, не всегда родник дает начало речке, может подпитывать болото, топь, но все же, раз это слово вошло в название деревни, значит, этот родник имеет важное значение для местного населения в плане водоснабжения или является священным, культовым. Поэтому надо полагать, что это ключ, с которого начинается речка. Об этих и других словах, обозначающих водные объекты, более подробно будет сказано в следующей статье.

Таким образом, часть ойконимов является отражением месторазвития удмуртского этноса, что заключается в тесной связи жизни народа с географическим пространством, влиянием ландшафта и его мозаичности на языковую культуру. И показательной в этом отношении является топонимия, тесно связанная с ландшафтом; именно она на протяжении веков отражает географические особенности территории проживания этноса посредством онимизации объектов, связанных с рельефом края, водными объектами и др. Подводя промежуточный итог в наших исследованиях, можно отметить, что в ойконимах часто встречается гидроформант *шур* ‘река’, а также имеются другие апеллятивы, связанные с расположением деревень и сел рядом с рекой (ойконимов с компонентом *шур* по предварительным подсчетам 161 наименование, данные уточняются, готовится перечень этих населенных пунктов и изучается их локализация).

СОКРАЩЕНИЯ

I.

Алн. – Алнашский р-н
Балез. – Балезинский р-н
Вав. – Вавожский р-н

Красн. – Красногорский р-н
Малоп. – Малопургинский р-н
Можг. – Можгинский р-н

Вотк. – Воткинский р-н
Глаз. – Глазовский р-н
Грах. – Граховский р-н
Деб. – Дебесский р-н
Зав. – Завьяловский р-н
Игр. – Игринский р-н
Кизн. – Кизнерский р-н
Кияс. – Киясовский р-н

Селт. – Селтинский р-н
Сюмс. – Сюмсинский р-н
Ув. – Увинский р-н
Шарк. – Шарканский р-н
Юкам. – Юкаменский р-н
Як.-Б. – Як-Бодьинский р-н
Яр. – Ярский р-н

II.

выс. – выселок
г. – город
д. – деревня
п. – поселок
ПГТ – поселок городского типа
поч. – починок
р. – река
с. – село

ЛИТЕРАТУРА

2-тй бичет = Бюллетень № 2 / Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку. Ижкар = Ижевск, 2008. 63 с.

Атаманов М. Г. Удмуртские топонимы на *-кар* // *Fenno-Ugristica*. Vol. 13. Tartu, 1986. С. 26–31.

Атаманов М. Г. Язык Земли Удмуртской: историко-этимологический словарь топонимов Волго-Уральского региона = Удмурт музъемлэн аснимъёсыз: Волгаен Урал ёросвыльбёсысь интынимъёслэсь пуштроссэс эскерись кыллюкам. Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2015. 976 с.: ил.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2004. 560 с.

Гумилев Л. Н. Этносфера: История людей и история природы. М.: Экспресс, 1993. С. 131–142.

Калуцков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.

Кривошекова-Гантман А. С. Лингвистический анализ ойконимов на *-кар* // Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь, 1976. Вып. 3. С. 12–21.

Кудрявцев А. Ф. Ландшафт как зеркало культуры // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. Вып. 1. С. 116–119.

КЭСК – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. 430 с.

МР – Мир России – Евразия: Антология / Сост.: Л. Н. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Высш. шк., 1995. 399 с.

ОКНФЗ – Объекты культурного наследия (памятники археологии) федерального значения). Режим доступа: <https://pandia.ru/text/78/420/48983.php>. (Дата обращения: 30.12.2019).

Серебрянников Б. А. Этимологические заметки // Этимология 1968. М., 1971. С. 207–208.

Сундукова Е. А. Ойконимия севера Удмуртии: Диссертация на соиск. ученой степени канд. филол. наук. Ижевск, 2011. 336 с.; с прилож. 445 с.

Тепляшина Т. И. Топонимы на *-кар* и некоторые вопросы, связанные с расселением бесермян // Местные географические термины. М.: Наука, 1970. С. 164–171.

Федотов М. Р. Заметки о финно-угорских элементах в некоторых географических названиях Чувашии // Советское финно-угроведение. Таллинн, 1970. № 2. С. 127–135.

ЭС – Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/127877/%D0%93%D1%83%D1%80%D1%82. (дата обращения: 30.12.2019).

Cosgrove D. Landscape and Myths, Gold and Humans // *Landscape: Politics and Perspectives*. Providence: Berg Publisher Ltd., 1993.

Daniels S. Fields of Vision. Landscape Imagery and National Identity in England and United States. Polity Press, Oxford, 1993. 256 p.

Lowenthal D. English Landscape // *Man, Spase and Environment*. N.Y.: Oxford University Press. 1972, P. 81–112.

Sauer K. Morphology of Landscape // *University of California. Publications in Geography*. 1925. Vol. II, No. 2. P. 19–53.

Поступила в редакцию 18.12.2019

Тимерханова Надежда Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: timer-nadezhda@yandex.ru

Кашин Алексей Александрович,
кандидат географических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: kashin.alexey@mail.ru

Кудрявцев Андрей Федорович,
кандидат географических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»,
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: kudr2005@mail.ru

N. N. Timerkhanova, A. A. Kashin, A. F. Kudryavtcev

OIKONYMS AS A REFLECTION OF THE LOCATION OF THE UDMURT ETHNIC GROUP

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-1-45-54

The territory of Udmurtia is the main area of settlement of Udmurts. From the point of view of geography, this area is located in a wide area of contact of natural zones, so it can be considered as the "local development" of the Udmurt ethnic group. In addition, the territory of Udmurtia, despite its small size and flat terrain, is very diverse in landscape and resource terms. Therefore, the economy, culture and toponymy, in particular, oikonymy have a strong relationship. Taking into consideration the geographical place of people settlement, this work provides a linguistic analysis of language tools related to toponymy and geographical terminology.

Keywords: Interaction of ethnos and landscape, "local development", language means, oikonymy, geographical terms for oikonyms, topoformant.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 1, pp. 45–54. In Russian.

REFERENCES

- 2-ti bichet = Byulleten' no. 2.* Respublikanskaya termino-ortograficheskaya komissiya po udmurtskomu yazyku [Bulletin no. 2. Republican Udmurt language term and orthography committee]. Izhkar = Izhevsk, 2008. 63 p. In Russian.
- Atamanov M. G.** Udmurtskie toponimy na *-kap* [Udmurt toponyms with *-kar* formant]. *FU*, 13. Tartu, 1986. Pp. 26–31. In Russian.
- Atamanov M. G.** *Yazyk Zemli Udmurtskoi: istoriko-etimologicheskii slovar' toponimov Volgo-Ural'skogo regiona = Udmurt muzyemlen asnimyosyz: Volgaen Ural jorosvylyosys' intynimyosles' pushtrosses eskeris' kyllyukam* [The language of the Udmurt land: historical and etymological dictionary of toponyms of Volga and Ural region]. Izhevsk, 2015. 976 p. In Russian.
- Gumilyov L. N.** *Etnogenez i biosfera zemli* [Ethnogenesis and earth biosphere]. Moscow, Airis-Press Publ., 2004. 560 p.
- Gumilyov L. N.** *Etnosfera: Istoriya lyudei i istoriya prirody* [Ethnosphere: people and nature history]. Moscow, Ekopros Publ., 1993. Pp. 131–142. In Russian.
- Kalutskov V. N.** *Landshaft v kul'turnoi geografii* [Landscape in cultural geography]. Moscow, 2008. 320 p. In Russian.
- Krivoshhokova-Gantman A. S.** *Lingvisticheskii analiz oikonimov na -kap* [linguistic analysis of the oikonyms *-kar* formant]. *Lingvisticheskoye krayevedeniye Prikamya* [Linguistic local history of the Kama Region]. Perm, 1976, vol. 3, pp. 12–21. In Russian.
- Kudryavtsev A. F.** *Landshaft kak zerkalo kul'tury* [Landscape as a mirror of culture]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2012, vol. 1, issue 1, pp. 116–119. In Russian.
- KESK – Lytkin V. I., Gulyayev E. S.** *Kratkii etimologicheskii slovar' komi yazyka* [Brief etymological dictionary of the Komi language]. Syktyvkar, Komi publishing house, 1999. 430 p. In Russian.
- MR – Mir Poccii – Evraziya: Antologiya** [The World of Russia – Eurasia: An Anthology] / Comp.: L. N. Novikova, I. N. Sizemskaya. Moscow, High school, 1995. 399 p. In Russian.

OKNFZ – Obyekty kul'turnogo naslediya (pam'atniki arheologii) federal'nogo znacheniya) [Cultural heritage sites (archaeological sites) of Federal significance]. URL: <https://pandia.ru/text/78/420/48983.php> (accessed 30 December 2019). In Russian.

Serebrennikov B. A. Etimologicheskiye zametki [Etymological notes]. *Etimologiya* 1968 [Etymology 1968]. Moscow, 1971, pp. 207–208. In Russian.

Sundukova E. A. *Oikonimiya severa Udmurtii: Dissertatsiya na soisk. uchonoj stepeni kand. filol. nauk* [The oikonyms in the North Udmurtia: Cand phil. sci. diss.]. Izhevsk, 2011. 336 p. In Russian.

Teplyashina T. I. Toponimy na -kap i nekotoryye voprosy, svyazannyye s rasseleniyem besermyan [Toponyms with -car formant and some issues related to the besermyan settlement] *Mestnyye geograficheskiye terminy* [Local geographical terms]. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 164–171. In Russian.

Fedotov M. R. Zаметки о финно-угорских элементах в некоторых географических названиях Чувашии [Notes about the Finno-Ugric elements in some geographic names of the Chuvash Republic]. *Soviet Finno-Ugric Studies*. Tallinn, 1970, no. 2, pp. 127–135. In Russian.

ES – *Enciklopedicheskiy slovar' F. A. Brokgauza i I. A. Efrona* [Encyclopedic dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron]. S.-Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., 1890–1907. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/127877/%D0%93%D1%83%D1%80%D1%82 (accessed 30 December 2019). In Russian.

Cosgrove D. Landscape and Myths, Gold and Humans // *Landscape: Politics and Perspectives*. Providence: Berg Publisher Ltd., 1993.

Daniels S. Fields of Vision. Landscape Imagery and National Identity in England and United States. Polity Press, Oxford, 1993. 256 p.

Lowenthal D. English Landscape // *Man, Spase and Environment*. N.Y.: Oxford University Press. 1972, pp. 81–112.

Sauer K. Morphology of Landscape // *University of California. Publications in Geography*. 1925. Vol. II. № 2, pp. 19–53.

Received 18.12.2019

Timerkhanova Nadezhda Nikolayevna,

Candidate of Philology, Associate Professor

Udmurt State University

1, ul. Universitetskaya, Izhevsk, 426034, Russian Federation

E-mail: timer-nadezhda@yandex.ru

Kashin Alexey Alexandrovich,

Candidate of Geography, Associate Professor

Udmurt State University

1, ul. Universitetskaya, Izhevsk, 426034, Russian Federation

E-mail: kashin.alexey@mail.ru

Kudryavtsev Andrey Fyodorovich,

Candidate of Geography, Associate Professor

Udmurt State University

1, ul. Universitetskaya, Izhevsk, 426034, Russian Federation

E-mail: kudr2005@mail.ru